

## ОГЛАВЛЕНИЕ



Часть первая . . . . .	5
Часть вторая . . . . .	97



ЧАСТЬ  
ПЕРВАЯ





**Л**ишь тебе я готова рассказать обо всем, сестра. Ни одной из своих соплеменниц я довериться не могу: им неведомы дальние страны, где мой муж провел двенадцать лет. Равно как не могу открыть душу ни перед кем из чужеземных женщин: они не понимают ни моего народа, ни образа жизни, который мы ведем со времен Древней Империи. А ты... Ты долгие годы жила среди нас, и, хотя не утратила связи с теми краями, где супруг мой учился по своим западным книгам, ты меня поймешь. Я ничего не скрою. Ты моя названная сестра. Я расскажу тебе все.

Как ты знаешь, мои уважаемые предки населяют этот древний город Поднебесной вот уже пятьсот лет. Никто из их августейших особ не был человеком передовых взглядов и не испытывал желания меняться. Все они жили тихо и достойно, уверенные в своей праведности. В тех же почтенных традициях родители воспитали и меня. Я никогда не представляла, что захочу стать иной. Мне казалось само собой разумею-

щимся, что все остальные люди похожи на меня. Если из внешнего мира за стенами двора и долетали смутные разговоры о других женщинах, которые ходили свободно, как мужчины, я не задумывалась о них, следуя испытанными путями предков, как меня учили. Ничто извне меня не трогало. Я ничего не желала. Однако теперь я с жадностью смотрю на этих странных существ — современных женщин — и спрашиваю себя, как стать одной из них. Не из собственной прихоти, сестра, а только ради моего мужа.

Он не считает меня привлекательной! Все потому, что он пересек четыре моря и побывал в дальних странах, где научился любить новые вещи и обычаи.

Моя мать — мудрая женщина. Когда в десять лет я из ребенка превратилась в девушку, она сказала мне такие слова:

«Женщине перед мужчиной следует хранить молчание, подобно цветку, и уметь в нужный момент отойти в сторону, не доставляя беспокойства».

Вот почему, представ перед мужем, я опустила голову и держала руки впереди. Когда он обратился ко мне, я ничего не ответила. Боюсь только, он находит мое молчание скучным!

Когда я размышляю о том, как его заинтересовать, мой разум внезапно становится пустым, точно рисовое поле после жатвы. Сидя в одиночестве за вышивкой, я перебираю в уме красивые нежные слова, которые скажу ему. Например, объяснюсь в любви. И заметь, не в грубой манере, позаимствованной у за-

падных варваров, а в таких завуалированных выражениях:

«Господин, вы заметили сегодня зарю? Словно истосковавшаяся земля воспарила навстречу солнцу. Темнота — и вдруг все озарилось, заиграло светом! Так и я, мой господин, истосковалась, подобно земле».

Или, когда он отправляется вечером в лодке на Лotosовое озеро:

«Что, если бы мертвые воды никогда не чувствовали притяжения луны? Что, если бы ее свет не возрождал волну к жизни? О, господин, берегите себя и возвращайтесь ко мне целым и невредимым, ибо без вас я тоже мертва!»

Когда же он приходит в своем чужеземном костюме, я не осмеливаюсь заговорить. Возможно ли, что я вышла замуж за иностранца? Он немногословен и холоден, а взгляд его не задерживается на мне, даже когда я надеваю атлас персикового цвета и украшаю тщательно уложенные волосы жемчугом.

Вот что меня печалит. Я замужем всего месяц — и уже не нравлюсь ему.



Три дня я раздумываю над этим, сестра. Нужно прибегнуть к хитрости и найти способ обратить на себя внимание мужа. Или я не наследница многих поколений женщин, которые умели завоевать благосклонность своего господина? Ни одна из них не была

обделена красотой, за исключением разве что Гуймэй, жившей в эпоху Сун и обезображенной оспой в трех-летнем возрасте. Хотя, как говорится в писаниях, даже у нее были прекрасные черные глаза, подобные драгоценным камням, и голос, который волновал мужские сердца, как ветер — тростниковые всходы. Муж Гуймэй дорожил ею безмерно и ставил любовь к ней выше любви к шести наложницам, приличествующим его положению и богатству. А моя прародительница Ян Гуйфэй — та, что носила на запястье белую птицу — держала в своих надушенных ладонях всю Империю, поскольку император, Сын Неба, был без ума от ее красоты. И пускай я всего лишь тень своих почтенных предков, однако в моих жилах течет их кровь.

Я рассмотрела свое лицо в бронзовом зеркале — не из тщеславия, а только ради моего господина — и скажу, что есть женщины куда менее привлекательные. Я увидела, что мои глаза выразительны, а взор ясен; что уши у меня маленькие и изящно прижаты к голове, благодаря чему золотые кольца с нефритом не торчат в стороны. Я увидела, что рот у меня тоже маленький и соответствует овалу лица. Хотелось бы только не быть такой бледной и чтобы линия бровей уходила чуточку дальше к вискам... Я маскирую бледность румянами, растирая их ладонями по щекам, а кисть, обмакнутая в чернила, помогает мне довести брови до совершенства.

Итак, я достаточно красива, чтобы угодить мужу. Но когда его взгляд падает на меня, я понимаю, что

он не замечает ничего — ни губ, ни бровей. Его мысли блуждают по дальним землям и морям — где угодно, только не здесь, где я!



Когда прорицатель назначил дату моей свадьбы, когда красные лаковые сундуки были заполнены до краев, когда на столах выросли кипы расшитых алыми цветами атласных одеял, а башенки свадебных угощений возвышались, точно пагоды, мама позвала меня к себе. Вымыв руки и пригладив волосы, я вошла в ее покои. Она сидела в резном черном кресле и пила чай. К стене рядом с ней была прислонена длинная бамбуковая трубка в серебряной оплетке. Стоя с опущенной головой и не решаясь поднять глаза, я ощутила, как пронизательный взгляд скользнул по моему лицу, телу, ногам. В тишине комнаты мое сердце пронзило жаром. Наконец мама велела мне сесть. Она рассеянно перебирала арбузные семечки в блюде на столе подле себя, на ее спокойном лице застыло привычное выражение бесконечной печали. Мама была мудрой женщиной.

— Гуйлань, дочь моя, — начала она, — ты выходишь замуж за человека, с которым была обручена еще до своего рождения. Твой отец и его отец любили друг друга, как братья. Они дали клятву породниться через своих детей. В год, когда ты родилась, твоему нареченному исполнилось шесть лет. Твоя судьба

была предопределена. Тебя воспитывали для этой цели.

Все последние семнадцать лет я держала в уме час твоего бракосочетания и растила тебя с мыслью о двух людях: твоей свекрови и твоём муже. Ради нее я научила тебя, как готовить и подавать чай старшим; как держаться в присутствии старшего; как молча выслушивать все, что тебе говорят, будь то похвала или порицание. Я учила тебя покоряться во всем, как цветок покоряется равно солнцу и дождю.

Ради мужа я научила тебя, как прихорашиваться, как говорить с ним без слов, при помощи взгляда и выражения лица, и как... Впрочем, ты сама поймешь, когда придет час и вы с ним останетесь наедине.

Итак, ты хорошо усвоила обязанности благородной дамы. Знаешь, как приготовить изысканные кушанья и сладости, чтобы возбудить аппетит мужа и привлечь его внимание. Не переставай удивлять его изобретательностью и разнообразием блюд.

Что касается этикета и аристократических манер — как себя вести в присутствии тех, кто выше тебя по статусу, и как разговаривать с нижестоящими; как садиться в паланкин; как приветствовать свекровь на людях — все это тебе известно. Обязанности хозяйки, искусство украшения волос драгоценностями и цветами, наука улыбаться, красить губы и ногти, пользоваться духами, подбирать обувь для своих маленьких ножек... Ах, сколько слез из-за них пролито! Зато ни одна из твоих сверстниц не может похвастаться таки-



ми крошечными ступнями. Вряд ли у меня самой были меньше в твоём возрасте. Надеюсь только, что семья Ли прислушалась к моим наставлениям и так же туго бинтовала ноги своей дочери, которая помолвлена с твоим братом, моим сыном. Хотя, признаться, я испытываю некоторое беспокойство. Говорят, она сведуща в «Четверокнижии», а ученость всегда шла во вред женской красоте. Нужно отправить весточку свахе на этот счет.

Ах, дитя, если моя сноха сравнится с тобой, мне не на что будет жаловаться. Тебя обучили игре на арфе, древнем инструменте, струны которого перебирали многие поколения женщин для улады своих господ. Пальцы у тебя умелые, а ногти длинные. Ты знаешь самые известные стихи старинных поэтов и славно поешь под аккомпанемент арфы. Уверена, даже твоя свекровь не найдет, в чем меня упрекнуть. Если только не окажется, что ты не способна родить сына! Если по прошествии первого года ты не сможешь зачать, я пойду в храм и преподнесу дары богине.

Кровь бросилась мне в лицо. Давно канули в прошлое те времена, когда я ничего не знала о деторождении и материнстве. В таком доме, как наш, где у моего отца было три наложницы, занятых исключительно воспроизведением потомства, желание иметь сыновей было слишком обыденным, чтобы заключать в себе какую-либо тайну. И все же при мысли, что это произойдет со мной... Однако мама не заметила, как

вспыхнули мои щеки, и, погруженная в раздумья, вновь начала перебирать арбузные семечки.

— И вот еще что, — наконец сказала она. — Твой будущий муж побывал в дальних странах и даже изучал там медицину. Не знаю, возможно ли... Однако довольно! Время покажет. А теперь ступай.



**Н**е припомню, когда еще мама произносила такую длинную речь. Обычно она редко говорит, и то лишь затем, чтобы сделать замечание или отдать приказ. Так уж заведено, ибо в женских покоях не найдется никого равного ей, Первой жене, по статусу или врожденным способностям. Ты видела мою мать, сестра: она очень худая, а ее бледное и спокойное лицо словно вырезано из слоновой кости. Говорят, в юности, до замужества, у нее были удивительной красоты брови и губы нежно-кораллового цвета, подобные бутонам айвы. Даже теперь ее худощавое лицо сохраняет четкий овал, какой можно увидеть на картинах прошлого. Что касается ее глаз, то Четвертая жена, острая на язык, однажды сказала:

«Глаза Первой жены подобны безжизненным черным жемчужинам, познавшим слишком много печали».

Ах, мама!

В детстве я не знала никого, похожего на нее. Она многое понимала и всегда держалась со свойствен-

ным ей тихим достоинством, приводившим в трепет наложниц и их детей. Слуги не любили мать, хотя и восхищались ею. Я не раз слышала, как они жаловались, что не могут украсть с кухни даже остатки еды незаметно для матери. И все-таки она никогда не бранила их во всеуслышание, как делали разгневанные наложницы. Когда мама видела то, что ей не нравилось, с ее губ слетало лишь несколько слов, но слова эти, полные презрения, падали на виновника, словно ледяные иглы, пронзающие плоть.

К моему брату и ко мне она была добра, хотя беспристрастна и сдержанна, как и подобало ее положению. Из шести детей у нее осталось только двое: четверых еще в раннем возрасте забрали жестокие боги, поэтому она особенно дорожила единственным сыном, моим братом. Поскольку она подарила моему отцу наследника, у него не было законных оснований жаловаться.

Кроме того, мама втайне гордилась тем, какой у нее сын.



Ты видела моего брата. Он похож на мать: так же изящно сложен, высокий и прямой, как стебель молодого бамбука. В раннем детстве мы были неразлучны; именно брат первым научил меня рисовать тушью символы, начерченные в моем букваре. Но он был мальчиком, а я всего лишь девочкой, и когда ему ис-

полнилось девять — а мне шесть, — его переселили из женских покоев туда, где жил отец. С тех пор мы редко виделись: по мере взросления он все больше стеснялся бывать среди женщин, да и мать его к этому не поощряла.

Меня, разумеется, никогда не пускали на мужскую половину. Однажды, когда брата только забрали от женщин, я в сумерках прокралась к лунным воротам, которые вели в мужские покои, и заглянула в сад, надеясь увидеть брата. Однако не увидела никого, кроме слуг, торопливо снующих туда-сюда с полными тарелками. Когда они открывали двери в комнаты моего отца, оттуда доносились взрывы смеха, к которым примешивался тонкий певческий голос женщины. Как только тяжелые двери закрывались, в саду воцарялась тишина.

Я долго стояла там, прислушиваясь к смеху гостей и с тоской размышляя, не веселится ли среди них мой брат, как вдруг меня резко дернули за руку.

— Еще раз увижу вас здесь, все расскажу вашей матери! — воскликнула Ван Да Ма, главная служанка. — Какое бесстыдство — подглядывать за мужчинами!

Смутившись, я робко прошептала в свое оправдание, что хотела только найти брата.

— Ваш брат теперь тоже мужчина, — твердо ответила она.

С тех пор я его почти не видела.

Говорили, однако, что он полюбил учение и быстро преуспел в «Четверокнижии» и «Пяти канонах», так что отец в конце концов внял его мольбам и разрешил поехать в иностранную школу в Пекине. Когда я вышла замуж, он учился в Пекинском университете и в своих письмах постоянно просил разрешения поехать в Америку. Вначале родители даже слышать об этом не хотели, и мама до конца оставалась непреклонна. Отец же не любил, когда его беспокоили, и я знала, что в конце концов брат добьется своего.

До моего замужества он два раза приезжал домой на каникулы и часто говорил о книге, которую называл «наукой». Мама лишь досадовала, ибо не видела пользы западных учений для жизни китайского джентльмена. В последний приезд брат оделся как иностранец, что очень не понравилось матери. Когда он с мрачным видом вошел к ней в чужеземном платье, мама ударила своей палкой по полу и воскликнула:

— Это еще что такое? Не смей являться ко мне в таком нелепом костюме!

Кипя от гнева, брат не показывался два дня, пока отец не высмеял его и не велел надеть старую одежду, так что ему ничего другого не оставалось. Мама была права. В китайском платье брат выглядел величественно, как настоящий ученый. В иностранном же костюме, открывающем ноги, он походил не пойми на кого.

Даже в те два приезда брат редко беседовал со мной. Я не знаю, какие он любит книги, потому что с подготовкой к свадьбе у меня не осталось времени продолжать классическое обучение.

О его собственном браке мы, разумеется, никогда не говорили. Это было неподобающе для молодого человека и девушки. Только от слуг, которые вечно подслушивали за дверью, я узнала, что брат противится женитьбе, хотя мама трижды пыталась назначить дату свадьбы. И каждый раз у него получалось убедить отца повременить с этим, чтобы продолжить учебу. Естественно, я знала, что он обручен со второй дочерью семейства Ли, известного в городе своим богатством и положением. За три поколения до нас глава дома Ли и глава нашего дома управляли двумя соседними уездами в одной провинции.

Невесту мы, само собой, не видели. Отец все устроил еще прежде, чем моему брату исполнился год. Поэтому до брака любые посещения между нашими семействами были неприличны. Мы даже никогда не упоминали его нареченную, и лишь однажды я услышала, как Ван Да Ма сплетничает о ней с другими служанками.

— Жаль, что дочь Ли на три года старше нашего молодого господина. Муж должен превосходить жену во всем, даже в возрасте. Правда, они богаты и принадлежат к древнему роду...

Увидев меня, она умолкла и вернулась к работе.